

— Что тут может стрястись среди бела дня?.. — пренебрежительно фыркнул Хэ Дунцзюнь, крепкий, широкоплечий парень.

Договорить он не успел. Небо над горизонтом расколола внезапная молния, и почти сразу следом мертвенную тишину разорвал оглушительный грохот. Тяжёлые, свинцовые тучи в один миг сожрали солнце, и древний лес стремительно погрузился во мрак.

— Твою мать... Есть у кого фонарь? — ругнулся Хэ Дунцзюнь.

Не обращая внимания на остальных, он принялся лихорадочно рыться в рюкзаке. Вдруг чья-то холодная ладонь легла ему на плечо.

Парень раздражённо стряхнул руку и резко обернулся:

— Да отвали ты! Что надо?!

Обернулся — и обомлел. Прямо перед его лицом покачивалась жуткая, омерзительная харя. Мертвенно-бледная баба, у которой из глаз, ушей и ноздрей хлестала тёмная жижа, высунула длинный синюшный язык почти к самым его губам. В нос Хэ Дунцзюню ударил тошнотворный смрад гниющей плоти.

— А-а-а-а!

Он истошно заорал, упал на колени и принялся вслепую загребать с земли липкую грязь, швыряя её в ухмыляющуюся рожу. Прежде чем спутники успели сообразить, что происходит, и перехватить его, парень вскочил и, ослеплённый ужасом, сломя голову бросился в непроглядную глубь чащи.

Сунь Юаньнин сделал пару шагов вслед за ним, но тут же испуганно замер, не решаясь углубляться во тьму. Лицо его перекосило от растерянности и страха:

— Да что это с ним?! Будто беса встретил!

Рядом тихо заскулила Цзоу Пэй, она мелко дрожала, а по бледным щекам катились слёзы:

— Здесь призраки... Точно вам говорю, в этом лесу полно чертовщины!

Дин И, едва сдерживая рыдания, порывисто обняла плачущую подругу.

— И что нам теперь делать с Хэ Дунцзюнем? — дрожащим голосом спросила она.

И Яньле, до этого хранивший молчание, чиркнул спичкой. Крошечный огонёк вспыхнул багровым пламенем, отбрасывая зыбкие тени на его безупречное лицо.

— Скоро ливанёт. Нужно срочно искать укрытие, — невозмутимо произнёс он.

Чи Юньян протянул руку. На ладонь упало несколько крупных капель. Приблизившись, он принюхался — вода отдавала болотной гнилью и ржавым железом. Такую пить нельзя, даже если будешь умирать от жажды.

Шедшая во главе отряда Се Юньцинь обернулась и крикнула, стараясь перекрыть поднимающийся ветер:

— Держитесь вместе, не отставать! Смотрите под ноги, не споткнитесь о корни. Где-то неподалёку должны быть пещеры.

Чи Юньян шёл посреди цепочки. Из-за отсутствия фонарей пробираться сквозь бурелом приходилось почти на ощупь, ориентируясь лишь на слабое, едва тлеющее пламя спички И Яньле.

Испытание только началось, а их маленький отряд из десяти человек уже лишился одного бойца. Это висело над ними тяжким бременем.

Что же такое почудилось Хэ Дунцзюню? Какой кошмар заставил взрослого, крепкого парня с диким воплем забиться в чащу?

Лесная тропа изобиловала ямами и рытвинами. Каждый шаг по раскисшей колее давался с трудом — ноги то и дело увязали в жиже, которая смыкалась вокруг лодыжек, холодная и цепкая. Казалось, будто из глубины прелой земли тянутся склизкие мёртвые ладони, пытаясь утащить живых за собой.

— Ну и темень... Жутко-то как, — пробормотал хмурившийся Сунь Юаньнин, стараясь не отставать от Се Юньцинь.

У Тунсюй молча застегнул штурмовку до самого подбородка и глухо бросил:

— Грядёт буря.

Шок от внезапного исчезновения товарища полностью парализовал волю Дин И. Она плелась в самом конце колонны, тупо уставившись под ноги, едва волоча ватные ноги.

— Яньле, как думаешь, мы действительно в том самом Лесу самоубийц из нашего мира? — тихо спросил Чи Юньян.

Сырой, перенасыщенный влагой воздух висел над ними тяжёлой пеленой. Ледяной порыв ветра швырнул в лицо прелые листья, заставив его вздрогнуть от дурного предчувствия.

И Яньле двигался рядом бесшумно и грациозно. Даже бесформенная ветровка жуткого грязно-жёлтого цвета сидела на нём так, словно её только что сняли с витрины элитного бутика.

— Нет, — коротко отозвался проректор.

— Гиблое место, — вздохнул Чи Юньян. — От этой чащи веет чем-то настолько зловещим, что в голову сами собой лезут самые мрачные мысли.

И Яньле скользнул взглядом по поникшему юноше. Без лишних слов он протянул руку и уверенно накрыл ладонь Чи Юньяна, сжимавшую лямку рюкзака.

Тот вздрогнул от неожиданности, почувствовав, как в его пальцы скользнуло что-то твёрдое и гладкое.

Когда парень удивлённо повернулся к спутнику, И Яньле уже безучастно прятал руки в карманы куртки.

Раскрыв ладонь, Чи Юньян обнаружил узкую плитку горького шоколада в золотистой фольге.

— Это мне? — спросил он, аккуратно надорвав край блестящей обёртки и разглядывая тёмное лакомство.

И Яньле продолжал упрямо смотреть перед собой.

— Угу, — буркнул он сквозь зубы.

— Тогда отказываться не буду, — улыбнулся Чи Юньян и отправил шоколад в рот.

Спустя мгновение он почувствовал концентрированную, почти невыносимую горечь. Он смешно сморщился и, не выдержав вкуса, поспешно сглотнул недожёванный кусок целиком.

И Яньле искоса наблюдал за его реакцией, и в его взгляде промелькнуло забавное удовлетворение.

— Ну и горечь! Аж в горле дерёт, — запричитал Чи Юньян, судорожно сглатывая слюну. Если бы запасы пресной воды не были сейчас на вес золота, он бы без раздумий осушил целую бутылку.

И Яньле тихо хмыкнул. В его обычно безжизненном голосе прозвучали тёплые нотки:

— Зато взбодрился. Легче стало?

— Всё ещё горчит, — укоризненно взглянул на него Чи Юньян. — Шоколад вообще-то должен быть сладким.

Впрочем, отрицать очевидное глупо: странное оцепенение и подступающий страх действительно отступили, уступив место привычной ясности ума.

И Яньле мгновенно вернул себе маску холодного безразличия. Он достал ещё одну такую же плитку и принялся неторопливо жевать её, будто это был самый обычный молочный батончик.

Аккуратно сложив золотистую фольгу и спрятав её в карман, Чи Юньян удивлённо спросил:

— И как ты его ешь? Тебе совсем не горько?

Тот слегка провёл языком по губам.

— Горько? — И Яньле чуть склонил голову набок, всматриваясь в глаза юноши. — А что такое горечь?

Чи Юньян замер. В этих светло-карих глазах отражалась настоящая бездна — пугающая, затягивающая на самое дно невысказанных эмоций и древней тоски.

— Объяснить на словах не смогу, — выдохнул он, пытаясь разрядить обстановку. — Зато я отлично знаю, что такое сладость.

Он широко и искренне улыбнулся, обнажив ровные белые зубы. Наплевав на всякое приличие, он подмигнул:

— Например, я. Я чертовски сладкий.

И Яньле медленно пережёвывал шоколад. Привычный, давно опостылевший вкус вдруг раскрылся по-новому, обрёл глубину. На мгновение проректору подумалось: каков на вкус сам Чи Юньян? Такой же дурманивший?

— Знаю, — негромко ответил он.

Чи Юньян почувствовал, как к щекам приливает жар. Он глупо кашлянул, отвёл взгляд и поспешил ускориться, изо всех сил делая вид, что увлечён исключительно дорогой.

Однако спешка сыграла с ним злую шутку: уже через пару шагов правая нога провалилась в скрытую под листвой глубокую лужу. Чи Юньян нелепо взмахнул руками и едва не пропахал носом раскисшую землю.

Шум привлёк внимание впереди идущих.

Шедшая в авангарде Се Юньцинь остановилась, тяжело переводя дыхание.

— Внимательней! — предупредила она. — Похоже, мы приближаемся к болотистой местности. Не хватало ещё увязнуть тут.

— Ну и где эти чёртовы пещеры? — раздражённо отозвался Сунь Юаньнин. — Небо совсем почернело, а дождь всё не начинается. Это добром не кончится.

Цзинь Мин, державшийся чуть позади Чи Юньяна и И Яньле, предложил:

— Слушайте, если мы продолжим тащиться одной гурьбой за старостой, то промокнем до нитки. Давайте поделимся. Поищем укрытие в разных сторонах, а через полчаса встретимся на этом же месте.

— Исключено! — отрезал Сунь Юаньнин, гневно сверкнув глазами. — Это безумие. Ладно мы, парни, но у нас в группе девчонки. Оставлять их одних в такой глуши нельзя.

Цзинь Мин лишь недовольно цыкнул и закатил глаза, но спорить не стал.

Дин И сильнее укуталась в безразмерную куртку, словно пытаясь полностью скрыться от этого жуткого мира.

— Я тоже против, — тихо, но твёрдо произнесла она. — Хэ Дунцзюнь уже пропал. Если мы поделимся, то просто угробим друг друга поодиночке.

Если честно, Чи Юньян внутренне разделял опасения ребят. Разбредаться по проклятому лесу — самоубийство. С другой стороны, здравый смысл подсказывал, что Цзинь Мин в чём-то прав: следуя слепо за Се Юньцинь, они рисковали кружить здесь до скончания веков.

— И это всё, на что вы способны?! Трястись от страха?! — взвился Цзинь Мин. Он выбежал в голову колонны и встал перед товарищами, преграждая дорогу. — Ну же, шевелите мозгами!

Чи Юньян ожидал, что большинство поддержат Сунь Юаньнина, но ситуация внезапно приняла иной оборот.

— Я за то, чтобы разделиться, — бесстрастно подал голос У Тунсюй.

— У Тунсюй, твою мать! — вскипел Сунь Юаньнин, который от злости задрожал. — Я считал тебя неглупым парнем!

— Слишком поздно спорить. Дождь начался, — тихо перебила его Чэнь Лицзя.

С самого начала этого кошмара Чэнь Лицзя хранила молчание. Чи Юньян даже имени её не знал, пока пару часов назад его не упомянул Сунь Юаньнин.

На ней была ярко-розовая куртка, выгодно подчёркивающая здоровую смуглую кожу. Среди других девушек она выделялась высоким ростом и какой-то суровой, подтянутой осанкой.

Спутники невольно задрали головы. Небо над ними превратилось в сплошное грозное месиво, клубящееся зловещим чернильным вихрем.

— Какого... — выдохнул Цзинь Мин.

Первые редкие капли упали на его обнажённое предплечье — он закатал рукава ещё у опушки. Смыв грязь, влага оставила на коже багровый след.

— Почему она... красная?!

Запах железа и застарелой крови мгновенно заполнил всё вокруг. Но хуже всего было то, что к этому аромату примешивался иной смрад — сладковатый, выворачивающий желудок наизнанку.

Чи Юньян смертельно побледнел. Память услужливо подкинула воспоминание из далёкого детства, заставив его содрогнуться.

Тогда он ещё не ходил в среднюю школу. В их старенькой пятиэтажке этажом выше жил одинокий старик. Добрый, тихий дедушка часто угощал маленького Юньяна конфетами, и мальчик с радостью заглядывал к нему в гости.

Накануне выпускного класса начальной школы Юньян уехал на целый месяц в летний лагерь. Вернувшись, он первым же делом побежал навеститься к соседу. Но стоило ему подняться на лестничную площадку, как в нос ударил жуткий, тошнотворный запах.

Мальчик испугался и позвал родителей. Вызванная полиция выбила дверь... За ней, посреди душной комнаты, лежало то, что осталось от некогда приветливого соседа — полуразложившийся труп.

— Это трупный смрад, — побледнел, прошептал Чи Юньян, чувствуя, как к горлу подступает ком.

— Чёрт, да что это за дрянь льётся?! Рука... как же зудит! — закричал Цзинь Мин. Лицо его искажилось от неистовой злобы и паники, он принялся яростно раздирать ногтями предплечье.

— Какая, к чёрту, вода?! Это кровь! Настоящая кровь! — истошно завопила Се Юньцин.

"Убирайтесь... Бегите отсюда! Живо бегите!!!" — со всех сторон, прямо из глубин проклятого леса, донёсся многоголосый завывающий хор, от которого кровь стыла в жилах. Звуки стремительно приближались.

Паника вспыхнула мгновенно. Никто больше не думал о спорах — отряд в едином порыве бросился бежать прочь по раскисшей тропе.

Цзинь Мин мчался впереди всех, безумно завывая и не переставая сдирать кожу на искусанной зудом руке.

Дин И дышала ему в спину. Поднявшийся ветер хлестал ветками по лицу, закрывая обзор. Запнувшись о торчащий корень, она с криком полетела на землю, больно ободрав ладони о сухие острые сучья.

Бежавший впереди Цзинь Мин резко затормозил. Обернувшись, он нагнулся и протянул ей руку, чтобы помочь подняться.

Девушка, размазывая по лицу слёзы вперемешку с грязью, потянулась к спасителю, но стоило ей поднять глаза, как крик застрял у неё в горле, а взгляд остекленел от неопишуемого ужаса.

— Монстр!!! — истошно взвизгнула она.

Её дикий, надрывный вопль эхом разнёсся над верхушками деревьев.

Чи Юньян, подбежавший следом, резко замер как вкопанный. Увиденное заставило его похолодеть.

Всё тело Цзинь Мина — начиная от кончиков пальцев до ушей и щёк — стремительно покрывалось багровыми вздувшимися гнойниками величиной с крупную монету. Его лицо превратилось в бесформенное месиво, в котором невозможно было узнать прежнего человека.

Протянутая к Дин И рука раздулась и стала похожа на бесформенный булыжник. Он закатил глаза, стиснутые воспалённой плотью, обнажая белки. Парень судорожно вытянулся струной и замер, потеряв сознание прямо на ходу.

В ту же секунду земля под его ногами вздыбилась. Толстые, узловатые корни рванулись наружу, за секунду обвивая его лодыжки и поднимаясь выше по телу. Дерево стягивало свои объятия, превращаясь в смертоносный кокон. Находящийся в глубоком беспамятстве Цзинь Мин внезапно забился и глухо застонал от невыносимой боли.

Один резкий, оглушительный хруст переломанных костей — и корни сомкнулись окончательно. Тело несчастного буквально разорвало на куски. Из щелей между переплетёнными ветвями под огромным давлением хлынули фонтаны тёмной, густой крови.

Чи Юньян стоял ближе всех. Кровавая волна вот-вот должна была накрыть его с головой.

Но в последнее мгновение И Яньле мощным рывком прижал его к своей груди, закрывая собой от жуткого дождя.

Горячие багровые брызги с шипением осели на спине грязно-жёлтой куртки проректора.

Из остальных членов отряда уцелеть и не попасть под этот кровавый душ удалось лишь Чэнь Лицзя, У Тунсюю и Сунь Юаньнину, успевшим вовремя отпрянуть.

Больше всех не повезло Дин И. Беспомощно сидевшая на земле прямо под Цзинь Мином девушка оказалась с ног до головы залита липкой, дымящейся жижей.

— Уходим. Живо! — ледяной голос И Яньле мгновенно вернул всем способность двигаться. Крепко сжав ладонь Чи Юньяна, он потянул его за собой.

Но спасительное предупреждение запоздало. Хищные корни, только что растерзавшие Цзинь Мина, с бешеной скоростью поползли во все стороны, сплетаясь в исполинскую, непреодолимую деревянную сеть и отрезая все пути к отступлению...

<http://bllate.org/book/18234/1751808>